

Валентина Андреева

LaughStory

— Давай, малыш! Счастливо! — сказал Женя, когда мы подошли к автобусу. Взгляд его был как обычно нежный и преисполненный преданности.

— Пока зайчик! — сказала я, и мы поцеловались. Мне предстояло провести одной пару дней в нашей квартире, чтобы в спокойной обстановке закончить выпускную работу.

— Позвони, как доедешь! — сказал он, выпуская мою руку.

— Ладно! — ответила я и направилась к автобусу. Рейс был междугородний, поездка сулила два часа nirванового удовольствия под любимые треки.

Девушка — контролерша проверила присутствие пассажиров по ведомости и вышла, водителя все еще не было. Я заняла свое место, оно оказалось у окна, что добавляло определенной прелести предстоящей поездке. Женька быстро нашел меня, и мы стали обмениваться нежностями через окно. Я строила ему рожицы, он посылал мне воздушные поцелуи. Я в очередной раз спросила себя, люблю ли его! И как всегда однозначного ответа не нашлось. Мне было хорошо с ним и плохо без него, вот что я знала точно. Если мы крупно

ссорились, мне было очень плохо и казалось, случись что, другого такого я не найду, да и не хотелось. Эта мысль меня утешала до тех пор, пока ее не сменила следующая: когда любят, то не сомневаются, и вопроса такого не возникает. Вновь пришло удручение, потому что обманывать себя было не в моих правилах, а жить в нелюбви пуще неволи. Представляя Женьку с другой девушкой, испытывала приступы дикой ревности. Получалась «собака на сене». Но ведь героиня Тереховой все-таки его любила. Облегченно вздохнув, я вытащила из сумки наушники. Пока я их распутывала, зашел водитель, и автобус медленно стал трогаться. Женька отправил мне последний поцелуй и пошел к машине. Сердце стало весело подпрыгивать в унисон раскачивающимся колесам. Автобус выехал за пределы автовокзала и бодро забороздил по мокрой от растаявшего снега дороге.

Странное чувство всегда появляется во время автобусного путешествия: чувство единения и гармонии с миром с осознанием полнейшего одиночества. «Каждый в итоге остается наедине с собой!» — пронеслось в голове. Это и пугает и расслабляет одновременно.

В середине третьего трека мой взгляд упал на руку водителя. Я стала ее рассматривать: короткая рука с густыми светлыми волосами, короткая размашистая кисть и обкусанные под корень ногти.

Я невольно улыбнулась, удивившись тому, насколько сильно эта рука напомнила мне одну знакомую руку. Внезапно посетившая меня мысль заставила с волнением взглянуть на лицо водителя, которого, к сожалению, было не разглядеть, но часть затылка, доступная моему полю зрения, позволила, хоть и ориентировочно, заключить, что это тот самый человек, которому принадлежала та самая рука. От недавно переполнявшего чувства гармонии и единения с миром не осталось и следа. Сердце заколотилось так, будто оно было зверем в клетке, которому после недельной голодовки принесли кусок свежего мяса. «Неужели это он?» — не верилось мне. «Интересно, он меня видел? Наверное, все-таки нет! И это к лучшему!»

Рука машинально полезла в сумку за зеркальцем. Насколько я могла вспомнить, пока доставала его, выглядела я неплохо. «Так, стоп!» — скомандовала я себе. — «Нужно еще удостовериться, что это, действительно, он!» Я направила свой взор на информационный стенд в надежде найти имя водителя. Ничьих имен там не оказалось. Я приподнялась с места и попыталась разглядеть что-нибудь еще. На мгновение мне показалось, что это точно не он. Я невольно огорчилась, откинулась на спинку сиденья и попыталась расслабиться. Кладовая воспоминаний с лихвой стала выкладывать в моей голове картинки

тех дней, когда все только начиналось...

Впервые я увидела Макса, когда перешла во второй класс. Он учился в параллели со мной. Красивый, дерзкий, уже тогда он резко выделялся на фоне остальных мальчишек. Женщины таких чуют за версту, и даже в восьмилетнем возрасте. Но ничего кроме женского любопытства Макс во мне не вызывал. Так продолжалось два года, пока в пятом наши классы не объединились. Как же радостно и хорошо мне было. Я была уверена в том, что нашла свою судьбу и уже тогда подсчитывала, когда мы сможем начать дружить. Но вопреки моим ожиданиям Макс мне ответил совсем другими чувствами. О моей симпатии никто не подозревал, даже подруга Аня. Наоборот, всеми силами я старалась показать, что презираю его. И было за что!

— Эй, параша, привет! — услышала я однажды на заре своей влюбленности, будучи абсолютно уверенной во взаимности. Голос Макса прозвучал у меня за спиной, и можно было бы предположить, что так он окликнул кого-то другого, если бы не моя фамилия — Паршина. Окрик этот тысячами острейших пик вонзился в мое юное неокрепшее сердце. «Неужели он мог так меня назвать?!» — все еще не верилось мне. Слезы тотчас подступили к глазам.

— Эй, ты чего? Не слышишь что ли?! —

спросил Макс, обгоняя меня.

— У меня вообще-то имя есть! — робко вымолвила я.

— Ну, так я и зову тебя по имени! — улыбнулся он. — Ты же параша? — он испытующе глядел на меня, невзирая на мой трясущийся вид. Не знаю, чем бы закончилась эта ситуация, если бы не вышедшая из учительской Мария Федоровна, наша классная. Сходу поняв, что Макс меня третирует, она отругала его, и он убежал.

В этот день я испытала настоящее потрясение и впервые поняла, что значит душевная боль. Мария Федоровна была школьным психологом по совместительству, и у нее имелся собственный кабинет, не предназначенный для классных занятий. Как-то раз мы всем классом явились в «наш», как мы его стали называть, кабинет до начала уроков, чтобы навести в нем порядок. Боль от прошлого удара немного утихла, и я шла в «наш» кабинет преисполненная новых надежд. Зайдя в кабинет, я сразу натолкнулась на Макса.

— Привет! — сказала я, набравшись смелости.

— А ты зачем пришла? — нахально спросил он.

— Убираться. — Проямлила я, чувствуя, что он вновь начинает втыкать в меня иголки, если не сказать копыя.

— Слыхали? — крикнул он классу. — Параша пришла убираться! — он засмеялся, а я в слезах убежала к окну. Девчонки тут же подошли ко мне и стали успокаивать.

— Он дурак! Ты его не слушай! — говорила Таня Бахитова, дочь нашей классной. Диля Блажко гладила меня по руке, а Даша Чернова даже вступила с Максом в перебранку, в которой не было и толики поучительного смысла, а лишь еще большее мое унижение. Тем не менее, я им бесконечно завидовала — этим красивым уверенным в себе девчонкам, которым и в голову бы не пришло волочиться за этим хамом. По крайней мере, так мне казалось тогда.

По дороге домой мы с Анькой придумывали ему пытки.

— Я свяжу ему крепко руки, посажу на горячий стул и буду потихонечку пинать этот стул в пропасть. — Рисовала в воображении я. — Он начнет молить меня о пощаде, но я, во-первых, ничего не услышу, потому что рот его будет заткнут, а, во-вторых, и не подумаю над ним сжалиться.

— Да, здорово! — соглашалась Анька. — Или еще вот так: он будет висеть на краю обрыва, и сил держаться уже останется на несколько секунд, а мы подойдем и наступим ему на руки, чтобы он быстрее сорвался. — Анька злорадно улыбнулась,

ведь ей тоже от него доставалось. Ее фамилия была — Лохачева. Эту боль мог понять только человек, прошедший через подобное. Мы с ней друг друга понимали, и обе были влюблены в него.

На одной из перемен я сидела за своей партой и повторяла домашнее задание. Максим с Данилом играли в «сифу» мельной тряпкой. В одну из передач тряпка угодила мне в лицо. Не успела я расплакаться, как в кабинет вошла Мария Федоровна. Таня рассказала ей, что случилось.

— Максим. — Многозначительно начала Мария Федоровна. — Видимо, твой отец позволяет себе такое же! — Она с укоризной посмотрела на Максима.

— Какое? — вызывающе спросил он.

— Плохое обращение с женщинами и прежде всего с твоей мамой!

— Но я...

— Не перебивай меня! — резко оборвала его Мария Федоровна. — Запомни, пожалуйста! — вкрадчиво произнесла она. — Недостойное обращение с женщинами никогда не сделает тебя настоящим мужчиной.

— Да это вообще Данил попал! Я то здесь при чем?! — выкрикнул обозленный Макс.

— Максим, не делай из меня дуру! — тихо, но властно сказала Мария Федоровна. — Я прекрасно знаю, как ты обращаешься с Викой. Кстати,

Вика! — Она обратила ко мне улыбающийся взгляд. — Возможно, Максим так с тобой заигрывает!

— Спасибо, не надо! — брезгливо поморщилась я.

— Угу! — невнятно буркнул Максим и отвернулся к окну. Тысячи бабочек вспорхнули со дна моего живота и вытолкнули все иголки и пики наружу. «Он меня любит!» — сделала я вывод и обрела новый смысл жизни.

Была в нашем классе отличница — Соня Боровикова. У нее было много дискет для игры в денди. Они с Максом периодически обменивались ими и даже обсуждали, кто на каком уровне и какая кому игра больше нравится, чем, конечно же, вызывали мою дикую ревность. Особой красоты у нее не было, да и неособой, собственно, тоже. На мой взгляд, она была довольно скучной, тем не менее, Макс с ней общался и никогда ее не обижал. Я ей завидовала, как и остальным девчонкам, легко и непринужденно общающимся с Максом. Этот «уровень» был для меня заблокирован. Я даже не понимала, моя ли это вина или его. Просто так сложилось. И отягчающим обстоятельством являлось то, что я была по уши в него влюблена.

— Мы вчера с родителями в цирк ездили! — как-то хвалилась мне Анька во время урока. — Там персонаж один был, Чебуратор! Низкого роста,

ушастый, отвратительный — словом наш Макс. Предлагаю дать ему кличку.

— Чебуратор? — уточнила я.

— Ага.

— Давай! И об этом будем знать только мы!

Несколько дней мы так его и называли, но потом выговаривать это прозвище стало слишком утомительно, и мы сократили кличку до «Чебка». На одном из уроков мы пустили по классу тетрадный листок со следующим содержанием: «Чебка — ЛОХ!!! Кто согласен, ставьте подпись». Несколько ребят подписались. Когда листок попал в руки Макс, он прочитал и простодушно спросил у класса: — А кто такой Чебка? Мы с Анькой переглянулись и беззвучно засмеялись.

Надо признать, что чудовищно Макс вел себя не всегда.

— Анютка! Дай списать! — шепнул ей Макс во время контрольной по математике, широко улыбнувшись при этом.

— Сейчас, допишу. — Улыбнулась она в ответ.

С этих пор к лучшей подруге я тоже начала относиться настороженно, а следующее событие на короткое время сделало ее моим врагом. Шел урок музыки. Мы слушали очередную классическую композицию, и я на какое-то время закрыла глаза. Мы с Анькой сидели на одном ряду, Макс впереди

нас.

— Анютка? — окликнул ее Макс.

— Чего? — Анька участливо наклонилась вперед.

— Параша спит что ли?!

— Не знаю. — Насмешливо сказала она. — Наверное. — И они оба захихикали. Это был удар под дых.

— ЛОХ и ПРИДУРОК! Вы идеальная пара! — выкрикнула я и со слезами выбежала из класса. Такое поведение было абсолютно мне не свойственно, и я очень переживала из-за возможных последствий. Я забрала из гардероба свою куртку и встала у зеркала одеваться. Из-за градом катившихся слез я едва различала свое отображение в зеркале.

— Спящая красавица! — услышала я позади себя. Это был Макс. Он стоял рядом и любовался мной. — Ты куда?

— Домой. — Буркнула я, смахивая слезу с правой щеки. Тут прозвенел звонок, и в это же самое время Макс произнес что-то, похожее на «прости», но из-за звонка я не смогла определить точно. Он развернулся и убежал в направлении класса.

Домой я шагала полная смятения. Я занималась арифметикой. «Перед уроком музыки у меня был один враг, во время урока их стало два,

теперь получается один, но уже не тот!» Обида перестала душить меня, но на подругу я была страшно зла, а на следующий день досталось и ей.

— Макс, а ты что, дворником устроился что ли? — подтрунивала над Максом Анька.

— Почему? — недоуменно спросил он.

— Я вчера видела тебя в нашем дворе. Ты шел и палкой бороздил землю.

— А ты из будки выглядывала что ли? — тут же нашелся он. Рядом стоявшие мальчишки засмеялись, и уязвленная Анька ретировалась в класс. Разговаривать мы стали где-то через неделю. Я посчитала, что мы квиты.

Через неделю мы отправились всем классом в кинотеатр на малоизвестный советский фильм про какого-то жулика. Исполнитель главной роли сам пожаловал к нам в город и должен был появиться на сцене кинотеатра после окончания фильма. Предварительно в классе мы договорились о том, что встречаемся возле кинотеатра и вместе идем в кинозал. Я не смогла подойти вовремя, и в зал мне пришлось идти одной. Второпях усевшись на первое попавшееся место, я до конца фильма просидела одна. После окончания фильма обещанный актер и в самом деле появился на сцене. Рассказывая о создании сюжета, он затронул тему любви.

— В этом отношении мой персонаж мне

близок. Я тоже считаю, что за свою любовь нужно бороться и, конечно же, оберегать ее. — Произнес актер.

В тот момент мне безумно захотелось посмотреть в глаза Максу. Я посчитала, что эти слова непременно должны найти отклик в его сердце, которое, как я надеялась, отчасти принадлежит мне. Выйдя из кинотеатра, я увидела своих одноклассников. Они стояли кучкой у колонны.

— О, Вика! Привет! — замахала мне Диля.

— Привет! — ответила я, мгновенно оценив ее внешний вид. Диля всегда мне нравилась. Она была из богатой семьи, но никогда не кичилась этим. Ее папа был владельцем автозаправочной станции. Одевалась она всегда со вкусом и вела себя со всеми достойно. Уже тогда в этой десятилетней девочке чувствовалась особая стать. Рядом с ней я чувствовала себя ущербно.

— А ты где была? — спросила Даша Чернова, близкая подруга Дили. Даша была высокая, стройная и симпатичная. Стиль одежды у нее был спортивный. С чувством собственного достоинства тоже все было в порядке.

— Она в кино пришла! Правда же? — Макс издевательски подмигнул мне.

— Я опоздала. — Начала оправдываться я. — А когда зашла, вас не увидела.

— Да, да, конечно! Ты даже не заходила туда! — отчего-то не верил мне Макс, что навело меня на мысль о том, что он, возможно, думал обо мне во время фильма.

— Ну что, в кафе идем? — спросила всех Даша.

— Пошлите! — ответила Диля. Согласилось еще несколько человек, остальные направились в сторону остановки, в том числе и я.

— Вик, ты не идешь? — спросила Даша, когда они уже немного отошли.

— Она же парашей питается! — усмехнулся Макс.

— Может, ты парашей питаешься? — строго спросила Диля.

— Э, слышь... — начал было Макс.

— Максим, лучше заткнись! — безапелляционно сказала Диля, и Макс замолчал. Я шла на остановку и плакала, но все еще верила, что однажды у нас все будет хорошо.

Читателю, наверняка, интересно: с чего я вообще взяла, что нравлюсь ему. Дело в том, что практически каждый раз, когда я на уроке поворачивалась в его сторону, он уже смотрел на меня. И в его взгляде я читала чувства противоположные тем, что он демонстрировал во внеурочное время.

Как-то весной на уроке физкультуры мы

играли в кованы-раскованы в школьном дворе. Мы с Максом держались за руки. «Разбить» нас собирался Женя Юрков, мальчик внушительных размеров. Он бежал на нас с Максом, Макс крепко сжал мою руку. Мне было невероятно приятно, но в последний момент я отдернула руку, испугавшись, что Женя ее повредит.

— Ну, ты чего? — разочарованно произнес Макс, и в его взгляде сверкнуло что-то очень теплое. Для меня произошедшее явилось фактом невероятной близости, сродни интимной. Каждое такое событие очищало мою память от нескольких оскорблений.

Как-то раз в школе проходила игра «Умники и умницы». От нашего класса участвовала я. Заняв вторую дорожку, я уверенно дошла до финала. Прозвучал последний вопрос. Ответ на него я не знала. Нужно было назвать человека, которому принадлежали определенные строки. В задумчивости я глядела на пол и вдруг услышала, как кто-то шепотом выкрикнул мое имя. Я подняла голову и увидела Макса, стоящего среди болельщиков, с книжкой в руках. Отвернувшись к окну, он указывал мне на изображение человека на обложке этой книжки. Приглядевшись, я увидела, что это был Пушкин. За неимением другого варианта, я назвала Пушкина.

— Умничка! — сказала Вера Владимировна,

заведующая библиотекой. — Вика, ты выиграла этот конкурс! Мы поздравляем тебя и вручаем тебе этот скромный подарок. — Она широко улыбнулась и вручила мне маленький фотоальбом. Все заплодировали, и я счастливая направила благодарный взгляд в сторону Макса, но на прежнем месте его уже не было.

Некоторое время спустя я стояла у расписания и смотрела уроки на следующий день.

— Эй, умница! — услышала я за спиной. Обернувшись, я увидела Макса. Он улыбнулся мне и пошел дальше, а в животе у меня вновь поселились бабочки.

«Нет, он точно меня любит!» — размышляла я по дороге домой. — «Просто он ведет себя так агрессивно, а так он хороший! Представляю, какой чудесной парой мы будем! Как же все будет здорово!»

Однажды мы всем классом пошли на дискотеку. Я впервые увидела, как танцует Макс. Мне подумалось тогда: «Умеет танцевать, значит и жить умеет! Может, поймет когда-нибудь, что обижал меня понапрасну!» Сама же я танцевать в его присутствии стеснялась. Зазвучала песня «Мелом» группы «Пропаганда». Тогда она еще только появилась и у всех девчонок вызывала дикий восторг. Даша первая узнала эту композицию и замахала нам с Анькой, что вот, мол, та самая